

"La Russie Illustrée"
№ 30 (740) Парижъ
15 Іюля 1939 г.
Цѣна № во Франціи и
колоніяхъ - 4 фр.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ОБЪЕМЪ
ЖУРНАЛА
УВЕЛИЧЕНЪ

35-лѣтіе КОНЧИНЫ ЧЕХОВА

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ
ЧЕХОВЪ

Съ иллюстраціей изъ
русской галлереи неокон-
ченнаго портрета работы
П. Свѣтлова (1897 г.)

№ 30 (740)

17, r. de La Trémoille
PARIS (VIIIe)
Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

15 - VII - 1939

Цена отд. № фр. 4
Prix du numéro frs 4

Чеховъ-драматургъ

(ПО ВОСПОМИНАНИЯМЪ БРАТА ПИСАТЕЛЯ
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА)

Еще будучи гимназистомъ, Чеховъ представлялъ собою веселого мальчика, нестоимого на затыл и зоморъ. Въ домашнихъ спектакляхъ онъ былъ главнымъ воротилой. Братья - Чеховы, почти нѣтъ погоды, жили дружно, устраивали всевозможныя домашнія представленія, — и въ ихъ-то гимназисту Антошѣ принадлежала главная роль: онъ и всегда являлся въ одной изъ первыхъ ролей. Будучи еще дѣтми, братья-Чеховы разыграли «Ревизора» и устраивали спектакли и на малороссійскомъ языкѣ, въ одномъ изъ которыхъ (кажется, это былъ пьеса Котляревскаго «Москвитинъ въ Чаринскѣ»). Антоша игралъ роль Чупрупа. Одной изъ любимыхъ его импровизаций была сцена въ которой талантовскій градоначальникъ (т. Талантовъ — родина Антоши Павловича) прѣзжаетъ въ соборъ на парадъ въ табельный день и становится посреди храма на коврижъ, окруженный собою дипломатическими консулами. Роль градоначальника исполнялъ Антоша. Въ гимназическомъ мурдирчикѣ, съ дѣдонской старой шашкой черезъ плечо, онъ удивительно жѣтко схватывалъ черты градоначальника и затѣмъ производилъ смотръ воображаемымъ казакамъ. Шестьнадцатилѣтнимъ юношей, когда вся Чеховская семья переехала изъ Таганрога въ Москву и Антоша Павловичъ остался въ Таганрогѣ одинъ, онъ часто посѣщали театр, любилъ французскія мелодрамы (напр., «Орлеанскую дѣву», «Убийство Конрада»), «Гамлетя», «Кинжъ» и такія фарсы, какъ «Маленькая сыновья». Будучи ученикомъ 7 класса, онъ написалъ драму «Белогородскіе куры и пѣла», которые прислалъ своимъ братьямъ въ Москву. Въ студенческіе годы Антоша Павловичъ писалъ очень смѣшной водевилъ «Бригидъ секретаря съ диспутантомъ», въ которомъ была представлена религіозная захудалого журнала и фигурировалъ на сценѣ двусмысленная кровать.

Изъ этой пьесы я помню только слѣдующее стихотвореніе, въ которомъ цѣлыя шесть разъ подрядъ попадаетъ слово «стремляюсь». Его приносятъ въ редакцію для напечатанія армянскій князь и просятъ водить цѣлый скандалъ, когда ему въ этомъ отказываютъ:

Прости меня, мой ангелъ бѣлошій,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой вѣчный.
Что жъ, забывъ любовь, стремлясь туда
бросился,

Гдѣ смерти пастырь... О, ужасный!
Въ могильный склепъ съ гробомъ горячей
Убитый, раненый, лежалъ.
Стремлясь въ надеждѣ... Не плачь, прости.
Вѣщны будутъ пѣть и розы цвѣсти
Надъ свѣже-вырытой могилой.

Куда меня злой рокъ стремлясь опустить.
Тогда поймешь, какъ я страдаю,
Какъ къ любви мой идеалъ...
Надъ ней стремлясь взоидетъ моя идея
Во образѣ пѣтень, лизидней, розъ пріятныхъ.

Тогда по повелѣнью тайныкъ неслетныхъ.

Справа:

А. П. Чеховъ, съ женой,
О. Л. Книпперъ - Чеховой, на крылечкѣ своего
дома въ Ялѣ, въ 1903 г.

Изъ гроба буду я вставать стремлясь
почаще

И, справясь набѣдъ благоуханьемъ,
Какъ чудной тѣлѣи добавьшемъ,
Уйду обратно въ гробъ стремлясь съ
проблещенными глазами.

«Послѣдняя строчка пѣсеньки тяжелѣе, говоритъ редактору армянскій князь, — во, главное, — это нужно умѣть прочесть!»

Въ то же время онъ написалъ и большую драму, которую мечталъ поставить на сценѣ московскаго Малого театра и даже послалъ ее извѣстной московской артисткѣ М. Н. Ермоловой на прогнотъ. Пьеса эта была очень громоздкая, съ походомъ жѣлѣзной дороги, съ конквистадами и съ само судомъ надъ цѣпакомъ. Она, была сдѣлана по образцу французскихъ мелодрамъ, изобилуя диалогами, и когда я мальчикомъ переписывалъ ее изъ двухъ экземпляровъ для цензуры, то у меня отъ ея изгнаны захватывало духъ и колотило подъ сердцемъ. М. Н. Ермолова осталась недолюбливать этой пьесы. Былъ еще у Антоши Павловича драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, написанный имъ въ 1884 году, подъ названіемъ «На большой дорогѣ». Этюдъ этотъ былъ запрещенъ драматической цензурой потому, что въ немъ были выведены пропавшіеся пѣвицы. Но всѣ перечисленные пьесы сибѣ не выдалъ. Первою пьесой Антоши Чехова, представленной на сценѣ, была его драма «Ивановъ», написанная имъ осенью въ 1887 году. Она была поставлена въ московскомъ театрѣ Корша. Вотъ какъ авторъ описываетъ первое представленіе своей первой пьесы на сценѣ ужѣ оффиціального Коршевскаго театра.

«Ну, пьеса прошла... Описываю все по порядку. Прежде всего: Коршъ обѣщалъ мнѣ десять репетицій, а далъ только четыре, изъ коихъ репетиціямъ можно назвать только двѣ, ибо остальные двѣ изображали изъ себя турниры, на коихъ г.г. артисты упражнялись въ словобреніяхъ и бранн. Роль дѣлалъ только Давыдовъ и Глама, а о-

стальные перлы по суфлеру и по внутреннему убѣжденію.

«Первое дѣйствіе». Я за сценой въ маленькой ложѣ, похожей на преставскую камеру. Семья въ ложѣ-бенфартъ: трепещетъ. Сверхъ ожиданія я хладнокровенъ и спокоенъ не чувствую. Артисты изволнаны, напряжены и крестятся. Занавѣсъ. Выходъ бенефицианта. Неувѣренность, незнаніе роли и полнейшій стѣнокъ, дѣлаетъ то, что я съ первыхъ же фразъ не узнаю своей пьесы. Киселевскій, въ котораго я возлагалъ большія надежды, не сказалъ правильно ни одной фразы. Буквально: ни одной. Онъ говоритъ свое. Несмотря на это и на режиссерскіе промахи, первое дѣйствіе имѣло большой успѣхъ. Много восторговъ.

«2 дѣйствіе». На сценѣ масса народа. Гости. Роль не знаю, путаюсь, говорю издору. Каждое слово рѣжетъ меня ножомъ по снѣгу. Но — о, муза! — и это дѣйствіе имѣло успѣхъ! Вызывали пѣль, вызывали и меня два раза. Понравленія съ успѣхомъ.

«3 дѣйствіе». Играютъ недурно. Успѣхъ громадный. Меня вызываютъ три раза, причѣмъ во время выходовъ Давыдовъ трясетъ мнѣ руку, а Глама на манеръ Манилова дружную мою руку прижимаетъ къ сердцу. Торжество таланта и добродѣтели.

«Дѣйствіе 4; 1-я картина. Идетъ недурно. Вызовы. Засимъ дѣлѣйшій умопомрачительный антрактъ. Публика, не привыкшая между двумя картинками вставать и уходить къ буфетъ, ропщетъ. Поднимается занавѣсъ. Красиво: въ арку виденъ ужасный столъ (свѣдѣба). Музыка играетъ тушу. Выходятъ шафера: оба пьяны, а потому видны ли, надо клоуновать и выкрикивать колѣшны. Балаганъ и кабѣжъ, примолжающіе меня въ ужасъ. Засимъ выходъ Киселевскаго: духъ захватывающее поэтическое мѣсто, но мой Киселевскій роли не знаетъ, пьянъ, какъ сирожникъ, и изъ поэтическаго коротенькаго діалога получается что-то тагучее и смѣское. Публика недоумѣваетъ. Въ концѣ пьесы герой умираетъ отъ того, что не

запыленность напесенного оскорбления. Охлажденная и утомленная публика не понимает этой смерти (которую отстраняли у меня актеры; у меня есть зарплатка). Вызывают актеров и меня. Во время одного из выходов слышится откровенное шиканье, задушенное аплодисментами и топотом ног. Я обиделся, утомление и чувство досады. Ирония, хотя пьеса была солидным успехом.

«Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисмента — шиканья, и никогда в другое время мне не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей сцене. А у Корша не было случая, чтобы зритель высказывал после 2-го действия» (кв. Алексее Павловичу Чехову 20 ноября 1887 года).

Но это письмо было написано автором еще в скромных выражениях. Вот что он пишет тому же лицу 24 ноября 1887 г.:

«Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначущего дерьма, как моя пьеска, получилось нечто значительное. Я уже писал тебе, что на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видели суфлеры, служивший в театре 32 года. Шум, галдели, хлопали, шикали; в буфетной одна не подрались, а я галерей студенты хотели зашвырнуть кого-то, и зрители навели дрожь. Возбуждение было общее. Сестра едва не упала в обморок. Дюковской, с которыми сдвинулось сердечие, убивали. А Киселева ни с того, ни с сего схватили себя за голову и очень искренно вопиали: «Что же я теперь буду делать?»

«Актеры были нервно напряжены... На другой день после спектакля в «Моск. Листке» рецензия Петра Киселева, который обвиняет мою пьесу в наглости — типичной безразличной дребеделью».

Как бы то ни было, но после представления «Иванова» в Москве и затряс в Петербурге, Антон Павлович похлопал театральную порошу, к тому же и материальные результаты постановки первой его пьесы оказались вполне благополучными, и он написал искорк кодекс «Медведь», облетевший всю Россию и не сходивший с репертуара и до сих пор. Повидимому, «Медведь» не предназначался автором непосредственно для сцены, так как первые акты появились в «Новом Времени» и в ряде feuilletons. Любопытно, что сам автор тандем на этот водоворот, в день первого его представлений, с галерки. Явно, что он был свидетелем такого же скандала, какой был и с «Ивановым». Но водоворот прощел блестяще. И конечно же было разноразличие, когда после первого представления. — писал Чехов, — случилось несчастие: кофейник убили моего меззэда. Рыбчикская пила кофе. Кофейник долбанули отчаянно и обварили ей лицо. Второй раз играла Глаза, очень прилично. Теперь Глаза ушла в Петербург, и таким образом, мой любимый зритель повесил пальто, не прожигая и трех дней. Но дело обошлось благополучно. Рыбчикская скоро выздоровела, и «Медведь» стал не сходять с репертуара.

Вслед за «Медведем» последовали кодексы «Предложение», чрезвычайно уморительная нечеп, сдвигавшая искорк любимицей провинциальных, любительских и клубных сцен. И этот водоворот первоначально появился также в «Новом Вре-

мени». Повидимому, актеры смотрели и на него скорее как на литературное произведение, а не как на вещь, специально предназначенную для сцены.

Почти в то же приблизительно время Чехов написал и свой первый драматический этюд на одном действии. На этот раз он изменил водоворот и, повидимому, сдвинул ошибку, потому что этюд этот не сдвинулся любимцем публики, как его несение собрать. Это была «Калхас» («Лебединая пьеса»). Этот «Калхас» в первый раз прошел тоже у Корша в исполнении знаменитого В. Н. Давыдова. Но водоворот, на которые Антон Павлович сдвинул все-таки сыновка и которые считали только доходной статьей и больше ничем, не удовлетворяли его. Ему хотелось написать что-нибудь значительное, и он задумывал свою пьесу «Лилия». В следующем сезоне после представления «Иванова» в театре Корша, служивший там замечательный актер Н. Н. Соловцов, разговорился с ним и решил открыть в Москве свой собственный театр. Но дела не пошли. Не было военных пьес. Оставалось одно только Рождество, или даже, кажется, одна только масленица (хорошо не помню), на которые и можно было возмещать скудную надежду; но, чтобы сорвать сборы, нужно было иметь какую-нибудь значительную пьесу, написанную автором с именем. А это у Соловцова я не был. Тогда он обратился к Чехову:

— Поддержите, Антон Павлович, вырните, дайте пьесу!

До наступления Рождества (или масленицы) оставалось всего только каких-нибудь 10-12 дней. Соловцов предлагал тысячу рублей — водоворот были заманчивы. И вот Антон Павлович прикинул за пьесу, которая была у него уже в проекте. Каждый день он писал по акту, и переписывал их в двух экземплярах (я тогда был студентом). Соловцов, приехал и отбирал эти экземпляры и засматривал их с кондуктором в Петербург на цензуру. Работа кипела. Антон Павлович писал, Соловцов сдвигал сбоку и полгал, и переписывал — и таким образом пьеса к сроку была готова, пришла несколько раз подряд, автор получил за нее тысячу рублей сполна. Соловцов все-таки «прогорел», но Антон Павлович остался своей пьесой доволен. Да и нельзя было ей остаться довольным. «Лилия» была написана, написана и поставлена у Соловцова ужасно. Необыкновенно шумная, громкая и толстая, как сорокаведерная бочка, актриса М. Н. Газа была хмельной театром и потому взяла себе молоденькую роль. Повидимому, было стыдно сдвигать в театр, когда сонный и толстый первый любовник Рошны-Исаров обещался перед ней в любви, не мог обхитрить ее в объятиях — называл ее прекрасней. Зарвавшего пошлого было таково, что возбуждало удивление. Антон Павлович тогда же снял «Лилию» с репертуара, долго держал его в столе, не разрешая его ставить нигде и только несколько дней спустя передвигать его до неузнаваемости, дать ему совершенно другую структуру и другое название: «Лилия Ваня».

Постановка «Лилии» на сцене Соловцовского театра сильно разочаровала Чехова. Еще раньше его разочаровала постановка на Кооперативском театре его пьесы «Иванова». Он как-то сразу потерял охоту и в театр, и в актеров, и в драматур-

гию, и когда кто спрашивал о задуманном им новом водовороте «Лилия гипотетическая», то он отвечал, что у него уже нет для этого достаточно настроения. Так и этот водоворот сдвиг и не видать. Пьесы так «есточерствили», как он выражался, театр со всеми его пороками, что, казалось, больше от него уже ничего не примет, ни за какую пьесу. Но оказалось наоборот. Театр — как злой Прометей сдвиг, и Антон Павлович опять разрыдался пьесой. Это была — «Чайка»

Любопытнее замечания А. Н. Чехова об актерах.

«Актеры капризные, самолюбивые, — пишет Чехов Лейкуну 4 декабря 1887 г. — изловилу необразованные, самозабывшие, друг друга терпеть не могут...»

«Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни поминков, ни купцов, ни запоев, ни типичников. Зато они могут отлично изображать маркизов, содержавков, испанских шулеров, вообще всех этих индивидуумов, которых они наблюдают, натаив по картинкам и холостым компаниям. Неизвестно ужасное» (А. С. Суворину в 1889 г.). «Актеры не могут позволить рассуждать» (ему же 1 ноября 1889 г.). «Актеры даже не умеют читать по печатному, признаки к автографу» (тоже 26 декабря 1888 г.).

Как же относился Антон Чехов к драматургии?

Он сам говорил в переписке с друзьями:

«Беллетристика — покойное и святое дело. — пишет он А. Н. Пешкову 15 января 1889 г. — Поэтическая форма — это законная жена, а драматическая — эффективная, шумная, наглая и утомительная любовница. «Чувствую большой позыв к этой скромной и кроткой беллетристике». — пишет он А. С. Суворину 4 февраля 1889 г. после своих шумных театральных успехов в Петербурге. «Я бы лично бросил театр просто так, расцеловал драматургов, и беллетристов создал бы». «Теперь развелось очень много покойных, пострашавших за правду драматургов. Они мне так надоели и кажутся такими бабами, что мне даже жаль, что я нутелюся из них кашу и написать пьесу, которой мог бы совсем не писать». «Театр, полезное учреждение, но не настолько, чтобы хорошие беллетристы отдавали ему 9/10 своей потенции» (И. Л. Пешкову 26 декабря 1900 г.). «Кстати, об успехе и об озабоченности. Все это так шумно и так мало удовлетворяет, что из результатов не получается ничего, кроме утомления и желания бляжеть, бляжеть... Поймавший на удочку окунает удовлетворять мое чувство гордости осязательно, чьм, рецензия и аплодирующая галерея... Пишу докторскую диссертацию на тему: «О способах признания... инстинктов в театре». Занимайтесь беллетристкой. Ока ваша законная жена, а театр — это запуганная любовница. Или становитесь Острожским, или же бросайте театр... Беллетристы должны идти в толпу драматургов — специализируются или генералом или же никак». «Почему — лучше драмы, но уж коли театральная аура в руках, то лучше ей отдать одну драму, чьм три трехактные комедии. Работа веселее и выгоднее». «Не брезгайте водоворотом. Пишите их дежинами. Водоворот конная штука, имь конится пока вся провинция» (тоже 9 июня 1888 г.).

Комментарий

«*Москаль-чаривник*» – «Солдат-чародей» (укр. «Москаль-чарівник», дословно «Москаль-волшебник») – одноактная пьеса Ивана Петровича Котляревского (1769–1838), написанная в 1819 году.